

А. Г. Манаков

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

E-mail: region-psk@yandex.ru

ВЛАДЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ТИТУЛЬНЫМИ НАРОДАМИ РЕСПУБЛИК РОССИИ И СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Языковая политика в России и странах ближнего зарубежья должна проводиться с учётом этнодемографических процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Целью статьи является оценка уровня владения русским языком титульными народами республик Российской Федерации и стран ближнего зарубежья в динамике с 1989 г. Научная новизна связана с единым взглядом на обозначенные процессы в пределах всего постсоветского пространства. Исследование опиралось на результаты переписей населения, итоги социологических опросов и экспертные оценки.

Сложность сравнительного анализа итогов переписей населения советского и постсоветского периодов в России и других странах постсоветского пространства связана с различными формулировками вопроса о владении русским языком. Согласно итогам переписей населения в странах ближнего зарубежья лишь в трёх из них вырос уровень владения русским языком титульными народами. Это Республика Беларусь, где русский язык с 1995 г. имеет статус государственного, а также Казахстан и Кыргызстан, где русский является официальным языком. В исследовании была выявлена зависимость между степенью владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья и удельным весом проживающего в них русскоязычного населения. По этой причине резкое уменьшение русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья может рассматриваться как фактор, тормозящий интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: *русское языковое пространство, постсоветские страны, родной язык, переписи населения, социологические опросы, статус языка.*

Благодарности. *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».*

Для цитирования: *Манаков А. Г. Владение русским языком титульными народами республик России и стран ближнего зарубежья // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 72–91. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310015994-6>*

A. Manakov

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: region-psk@yandex.ru

RUSSIAN LANGUAGE KNOWLEDGE BY THE TITULAR PEOPLES OF THE REPUBLICS OF RUSSIA AND NEIGHBORING COUNTRIES

Language policy in Russia and neighboring countries should be carried out taking into account the ethno-demographic processes taking place in the post-Soviet space. The purpose of the article is to assess the level of Russian language proficiency by the titular peoples of the republics of the Russian Federation and neighboring countries in dynamics since 1989. Scientific novelty is associated with a unified view of the indicated processes within the entire post-Soviet space. The study was based on the population censuses results, the results of sociological surveys, and expert assessments.

The complexity of comparative analysis of the population censuses results of the Soviet and post-Soviet periods in Russia and other countries of the post-Soviet space is associated with different formulations of the question of Russian language proficiency. According to the results of population censuses in neighboring countries, only three of them increased the level of Russian language proficiency by the titular peoples. These are the Republic of Belarus, where Russian has been a state language since 1995, as well as Kazakhstan and Kyrgyzstan, where Russian is the official language. The study revealed a relationship between the degree of command of the Russian language by the titular peoples of the neighboring countries and the proportion of the Russian-speaking population living in them. For this reason, a sharp decrease in the Russian-speaking population in the neighboring countries can be considered as a factor inhibiting integration processes in the post-Soviet space.

Keywords: *Russian language space, post-Soviet countries, native language, population censuses, sociological surveys, language status.*

Acknowledgments. *The reported study was funded by RFBR, project number 20-05-00369 “Transformation of the Ethnocultural Space of Post-Soviet States: Factors, Trends, Prospects”.*

For citation: Manakov A. (2021), Russian language knowledge by the titular peoples of the republics of Russia and neighboring countries, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 72–91. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310015994-6>

Введение. Языковая политика является составной частью государственной национальной политики, отражая отношение власти к языковому вопросу. В период после распада СССР было проведено достаточно много исследований, посвящённых вопросам статуса и роли русского языка в современном мире и, в особенности, на постсоветском пространстве ([1; 3–5; 18; 20] и др.). Русский язык во всех странах ближнего зарубежья выполняет важные коммуникативные функции. При этом он живёт сразу в нескольких взаимодействующих и одновременно конкурирующих измерениях. Это культурное, идеологическое (политическое) и коммерческое (экономическое) измерения. В советское время русский язык существовал преимущественно в

«двухмерном пространстве», его коммерческое измерение было сильно редуцировано, но именно оно стало больше востребовано в постсоветский период [6].

Говоря об идеологическом (политическом) измерении русского языка, нужно отметить, что языковая политика России часто рассматривается как существенный фактор влияния страны на постсоветском пространстве [19; 21]. В этой связи особую актуальность приобретает данная политика в контексте углубления евразийской интеграции. Причём русский язык в последнем случае рассматривается как один из инструментов «мягкой силы» России на постсоветском пространстве. Он является условием сохранения и упрочнения стабильного геополитического положения России в интеграционных объединениях и может стать цементирующей основой Евразийского союза [13; 17].

Но имеются и противоположные взгляды на языковую проблематику. Так, например, раздаются призывы к деполитизации языкового вопроса. Объясняется это тем, что на постсоветском пространстве языковой вопрос является чрезмерно политизированным, т. к. языковая идентичность граждан государств ближнего зарубежья часто выступает в качестве маркера лояльности/нелояльности их в отношении властей, и потому тенденции в языковой сфере становятся прямым отражением политической конъюнктуры. Последнее обстоятельство мешает заниматься действительно продуктивными проектами по продвижению русского языка и культуры на пространстве бывшего СССР [7]. Данный взгляд в достаточной степени аргументирован, что приводит к мысли о том, что языковая политика России в странах ближнего зарубежья должна быть продуманной и сбалансированной, а главное, научно проработанной.

Языковая политика должна проводиться с учётом этнодемографических процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Проблема катастрофического сокращения в постсоветское время числа говорящих на русском языке в странах ближнего зарубежья вызвана как языковой политикой молодых государств, так и значительным миграционным оттоком из них русского и русскоязычного населения [14; 15]. Причём русское население в бывших советских республиках зачастую рассматривается как ресурс, позволяющий решать демографические проблемы России [8], что входит в явное противоречие с одновременно стоящей задачей усиления роли русского языка в интеграционных процессах на евразийском пространстве.

Ситуация осложняется тем, что на постсоветском пространстве ныне происходит радикальная демографическая перестройка, а именно, в его общей численности населения падает удельный вес России и восточноевропейских стран СНГ и Балтии, растёт вес Азербайджана и стран Центральной Азии. В последних быстро увеличивается численность титульных народов, и это ускоряет темпы снижения доли русского населения [23]. Также нужно осознавать, что миграционный отток носителей русского языка из стран ближнего зарубежья приводит к сокращению в них населения, активно использующего русский язык, что отражается и на общем уровне владения русским языком в этих государствах.

В период существования СССР значительную часть титульных народов советских республик можно было отнести к пассивным пользователям русского языка, и в данном исследовании поставлена следующая цель — определить, на каком уровне сейчас находится владение русским языком титульными народами молодых государств. Для достижения данной цели использовались разные источники: результаты переписей населения, итоги социологических опросов, экспертные оценки и др.

Также для объективности анализа проведено сравнение уровня владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья и национальных автономий Российской Федерации, в первую очередь, её республик.

Информационная база и методика исследования. Исследование опирается, в первую очередь, на итоги переписей населения, в частности, Всесоюзной переписи 1989 г.¹, Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.², национальных переписей населения Украины (2001 г.³), Республики Беларусь (1999 и 2009 г.⁴), Казахстана (1999 и 2009 гг.⁵), Кыргызстана (2009 г.⁶), Таджикистана (2010 г.⁷), Эстонии (2011 г.⁸) и других государств постсоветского пространства. Значительная часть этих материалов представлена на сайтах Demoscope.ru и Population statistics of Eastern Europe & former USSR⁹. Во-вторых, для оценки степени владения русским языком титульными народами ряда постсоветских стран были применены аналитические данные группы ЦИРКОН по результатам социологического исследования «Русский язык в новых независимых государствах», проведённого в 2007 г. в рамках проекта «Евразийский монитор»¹⁰. В-третьих, в качестве первичного материала, в случае отсутствия иных источников информации, использовались сведения по владению русским языком населением стран постсоветского пространства на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., представленные в работах А. Л. Арефьева [1; 2]. Оценки, данные

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php (дата обращения 20.01.2021).

² Всероссийская перепись населения 2002 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения 20.01.2021); Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 11.02.2021).

³ Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (дата обращения 20.01.2021).

⁴ Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию. Бюллетень. [Электронный ресурс]: URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepis/2009/publications/bul_republic.rar (дата обращения 20.01.2021).

⁵ Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 2. Население республики Казахстан по национальностям и владению языками. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. 272 с.; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А. А. Смаилова. Астана, 2010. 112 с.

⁶ Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Книга I. Основные социально-демографические характеристики населения и количество жилищных единиц. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2009. 54 с.

⁷ Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 года. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Том III. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. 537 с.

⁸ Eesti Statistika. [Электронный ресурс]: URL: <https://andmed.stat.ee/et/stat> (дата обращения 20.01.2021).

⁹ Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 20.01.2021).

¹⁰ Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости. Аналитический отчет по результатам вторичного анализа данных. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). 2009. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf> (дата обращения 17.01.2021).

последним автором, рассматривались критически, но в некоторых случаях принималась его точка зрения.

При проведении последней советской переписи населения 1989 г. вместе с вопросом о родном языке задавался и вопрос о свободном владении вторым языком народов СССР, в т. ч. русским языком. Чтобы оценить изменения во владении русским языком титульными народами бывших советских республик, произошедшие в постсоветское время, нами был осуществлён поиск соответствующей характеристики на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., когда проводился второй раунд переписей населения на постсоветском пространстве (в основном это период с 2009 по 2011 гг.). Однако лишь в ряде постсоветских стран, где русский язык объявлен государственным (Российская Федерация и Республика Беларусь), официальным (Казахстан и Кыргызстан) или языком межнационального общения (Таджикистан), результаты переписей населения по владению русским языком можно, но с некоторыми оговорками, использовать для сопоставления с итогами переписи 1989 г.

Формулировка вопроса в обозначенных национальных переписях отличалась от переписной анкеты 1989 г., т. к. за исключением переписей в Кыргызстане, Таджикистане и Украине, не было такого ограничения, как «второй язык» (а значит, можно было указывать русский язык и в ряду «второго, третьего» и т. д.), а также, за исключением Таджикистана, Казахстана и Украины, не была обозначена степень владения русским языком. Только в Таджикистане и Украине было предложено обозначить свободное владение русским в качестве второго языка, и это привело даже к занижению показателя по владению русским языком на фоне итогов переписей других постсоветских стран. А вот, к примеру, в Казахстане в результатах переписи населения 2009 г. было представлено несколько вариантов степени владения русским языком («свободно пишут», «свободно читают» и «понимают устную речь»). В данном случае в качестве свободного владения русским языком в нашем исследовании был принят вариант «свободно пишут».

Ещё одной особенностью представления результатов переписей по владению русским языком в ряде стран (например, в Кыргызстане и Казахстане) было распространение на всё население итогов опроса лиц в возрасте 15 лет и старше. Но, как, например, отмечает А. Л. Арефьев, реальное владение русским языком среди детей и подростков этих стран было заметно ниже обозначенного в итогах переписей [1, с. 84, 100]. А значит, в Казахстане и Кыргызстане были несколько завышены итоговые цифры по владению русским языком среди всего населения этих государств.

В переписях населения Республики Беларусь основное внимание уделяется не владению русским языком, а его использованию в семье, в быту. Для этого выявляется «язык, на котором обычно разговаривают дома». Однако этот показатель не может быть сопоставлен с итогами переписи населения 1989 г. Как отмечает А. С. Соколов, необходимость введения начиная с 1999 г. данного вопроса в анкету переписей в Республике Беларусь «была вызвана неоднозначной трактовкой понятия «родной язык», отсутствием понимания у значительной части населения родного языка как языка, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде» [12, с. 66]. Тем не менее, в итогах переписи Республики Беларусь 2009 г. имеется дополнительная информация о свободном владении населением другими языками, в т. ч. и русским, что позволяет по результатам данной переписи оценить суммарную долю белорусов, свободно владеющих русским языком.

Невозможность прямого использования итогов переписей населения других постсоветских стран, где не обозначен статус русского языка или же он объявлен иностранным, связана с тем, что там для положительного ответа на вопрос о владении русским языком в реальности достаточно самого низкого уровня владения им. Так, например, согласно итогам переписи населения Эстонии 2011 г., русским языком как иностранным владело 544 695 эстонцев, т. е. 60 %, что является чрезмерно завышенной величиной на фоне итогов последней советской переписи населения 1989 г., когда «свободное владение русским как вторым языком» обозначило только 34,6 % представителей титульной национальности республики.

По этой причине в нашем исследовании степень владения русским языком титульными народами большинства постсоветских государств на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. оценивалась с помощью социологических опросов, проведённых в рамках проекта «Евразийский монитор» в 2007 г. Исключение составили Узбекистан и Туркменистан, где данные опросы не были проведены, и потому нами были взяты за основу справочные сведения о владении русским языком в этих странах, представленные в работах А. Л. Арефьева [1; 2].

Экспертные оценки А. Л. Арефьева также опираются на итоги социологических исследований в странах постсоветского пространства, однако представленная им статистика не всегда соответствует результатам опросов, проведенных в рамках проекта «Евразийский монитор» в 2007 г. В спорных случаях приоритет отдавался той информации, которая была получена в результате обозначенного социологического исследования. В качестве фиксируемых ответов в исследовании нами были выбраны только два, которые могут в той или иной мере соответствовать вопросу о владении русским языком, заданному во время переписи 1989 г. Это ответы «свободно говорю, пишу и читаю на русском языке» и «свободно говорю и читаю, но пишу с ошибками». Но несовпадение формулировок с вопросом, заданным в 1989 г., не позволило сделать однозначный выбор в пользу одного из этих двух вариантов, хотя результаты нашего исследования дают в большей мере право склоняться в сторону первого варианта ответа.

Методика оценки доли представителей титульных народов российских республик и постсоветских стран, свободно владеющих письменным или устным русским языком, была следующей. В Российской Федерации для расчёта доли титульных народов республик, владеющих русским языком, напрямую использовались итоги переписей населения 2002 и 2010 гг. В других государствах постсоветского пространства расчёт этого показателя был более сложным и опирался на результаты социологического исследования 2007 г. Сначала, по итогам переписи населения 1989 г. определялась доля нерусского и, вместе с тем, нетитульного населения республик, свободно владеющего русским языком. Предполагалось, что эта доля не должна значительно измениться к концу первого десятилетия XXI в. Собственно для расчета обозначенных показателей использовалась национальная статистика по результатам переписей и учётов населения раунда 2009–2011 гг., или же в ряде государств давалась оценка на 2010 г. (в Узбекистане, Туркменистане, Украине, Грузии и Молдове, во всех случаях — в границах советских республик на 1989 г.).

Следующим шагом в исследовании был расчёт численности населения (по этнической статистике за 2009–2011 гг.), владеющего русским языком, в соответствии с итогами социологических опросов 2007 г. Далее, из общего количества лиц, свобод-

но владеющих письменным или устным русским языком, вычиталась численность русского населения и представителей других этнических групп, свободно владеющих русским языком (исходя из оценки их доли на 1989 г.). Соответственно, определялась численность и доля титульного населения постсоветских стран, свободно владеющего письменным или устным русским языком. Полученные результаты были сопоставлены с итогами переписи 1989 г. и переписей населения ряда государств ближнего зарубежья: Украины (2001 г.), Республики Беларусь (2009 г.), Казахстана (2009 г.), Кыргызстана (2009 г.) и Таджикистана (2010 г.).

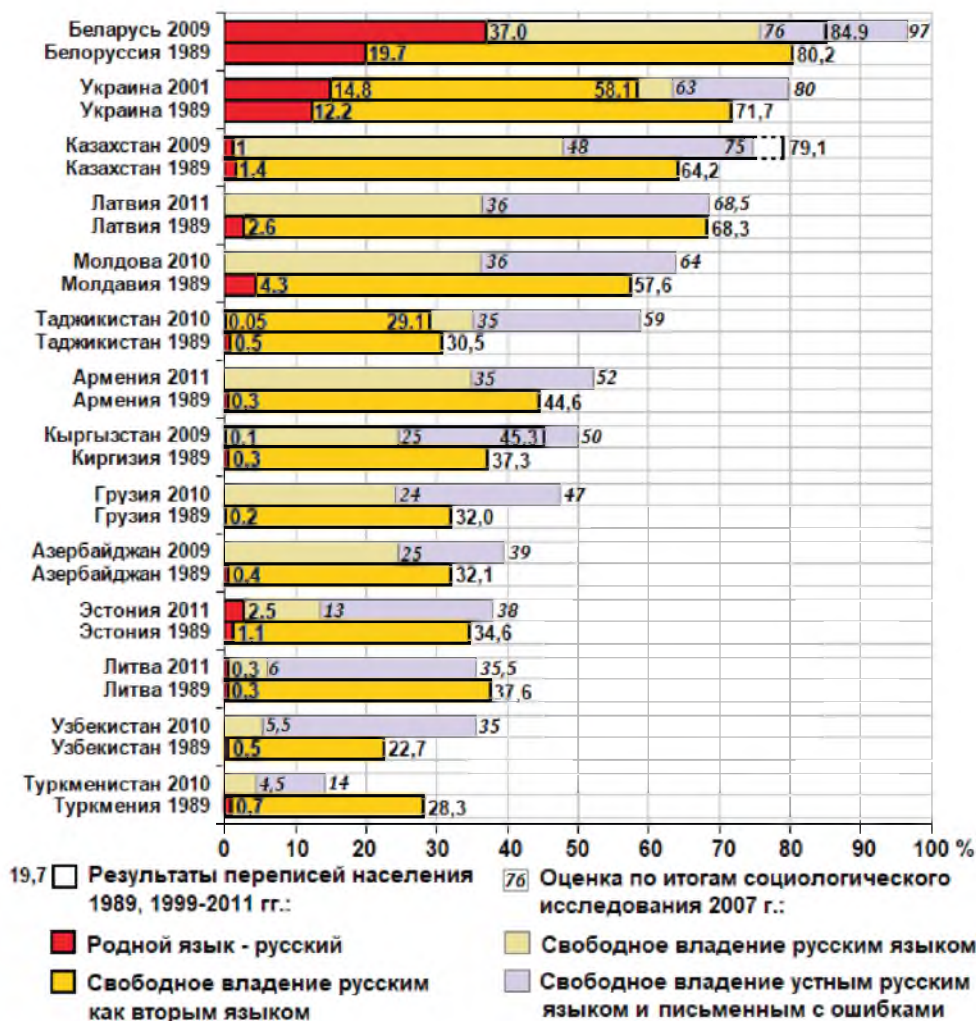
Кроме того, для построения карты по свободному владению русским языком титульными народами национальных автономий Российской Федерации (2002 г.) и стран ближнего зарубежья был осуществлён расчёт данного показателя по итогам раунда переписей населения на рубеже XX и XXI вв. Причём для Казахстана и Украины этот показатель был рассчитан на уровне областей по официальной статистике переписей населения соответственно на 1999 и 2001 гг.

Результаты исследования. Оценка степени владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья. По итогам переписи населения 1989 г. около 20 % белорусов, проживающих на территории своей республики, называли русский родным языком, а свободно владели им в качестве родного или второго языка свыше 80 % (рис. 1). Следует отметить, что в начальный период независимости Республики Беларусь происходило уменьшение числа её граждан, признающих русский родным языком [12]. Но ситуация изменилась после 1995 г., когда в результате референдума русский язык получил статус государственного языка Республики Беларусь. Начался быстрый рост численности граждан республики, называющих русский родным языком. По итогам переписи населения 2009 г. русский язык в качестве родного признали 37 % белорусов, при этом 70 % отметили, что обычно на нём разговаривают дома. Ещё 15,2 % белорусов назвали русский в качестве второго языка, которым свободно владеют.

Таким образом, в 2009 г. свободное владение русским языком обозначило 85 % белорусов, проживающих в Республике Беларусь. Фактическое же владение русским языком, если следовать данным социологического исследования 2007 г., ещё выше (на уровне 97 %), и мало отличается от уровня владения русским языком большинством титульных народов республик Российской Федерации. Правда, нужно отметить, что речь идёт о свободном владении устным русским языком, при этом свободное владение письменным русским несколько меньше (примерно 76 %), и даже ниже, чем степень «свободного владения русским как родным и вторым языком» согласно переписи 1989 г. Но, как считает А. С. Соколов [12, с. 79], в данной ситуации лучше опираться на результаты социологических опросов населения, чем данные переписи, на что имеется сразу несколько причин. При этом нужно отметить, что городское население Республики Беларусь является фактически полностью русскоязычным.

В Республике Беларусь языковой вопрос является политизированным, и ответы на вопросы, связанные с использованием белорусского и русского языков, зависят от целого ряда факторов, в т. ч. от отношения к власти. Важным фактором, который положительно отразился на росте уровня владения русским языком представителями титульной национальности, стало пополнение этой категории населения за счёт лиц, которые в советский период относили себя к русским, а в постсоветский период предпочли сменить свою этническую идентичность на титульную. Так, с 1989 по

2009 гг. доля русских в населении республики уменьшилась с 13,2 до 8,3 %. Смена этнического самосознания облегчается вследствие фактического двуязычия значительной части населения, использующего «трасянку» (русско-белорусскую смешанную речь). Всё это в совокупности приводит к тому, что более точно языковую ситуацию в Республике Беларусь отражают не переписи населения, а социологические опросы. Хотя очевидны и минусы последних, т. к. они не позволяют проследить различия во владении русским языком на региональном и тем более локальном уровнях.

Рис. 1. Владение русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья по итогам Всесоюзной переписи населения и 1989 г., а также переписей и социологических опросов населения на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. (в границах республик до распада СССР; составлено автором)

Fig. 1. The knowledge of the Russian language by the titular peoples of the neighboring countries according to the results of the All-Union Population Census and 1989, as well as censuses and sociological surveys of the population at the turn of the first and second decades of the 21st century. (within the borders of the republics before the collapse of the USSR; compiled by the author)

На Украине по итогам переписи населения 2001 г. по сравнению с 1989 г. также немного увеличилась доля представителей титульной национальности, называющих русский язык родным — с 12 % почти до 15 %. Но при этом резко сократилась доля украинцев (с 71 до 58 %), которые обозначили свободное владение русским языком. Хотя, как показывают результаты социологических опросов, реальный уровень владения русским языком несколько выше, но в целом отмеченный тренд является ожидаемым следствием языковой политики государства в постсоветский период. Что же касается роста доли украинцев, называющих родным русский язык, то здесь, как и в Республике Беларусь, сказались пополнение титульного населения частью биэтнофоров (со смешанной русско-украинской идентичностью), которые в конце советского периода называли себя русскими. За первое постсоветское десятилетие доля биэтнофоров увеличилась с 30 до 41 % [10, с. 50], и в дальнейшем ожидается сохранение этого тренда, а в структуре биэтнофоров будет продолжаться увеличение доли тех, кто определяет себя украинцами.

Если следовать результатам переписи населения 2009 г. в Казахстане, то можно сделать вывод, что за постсоветский период заметно вырос удельный вес казахов, свободно владеющих русским языком (с 64 до 79 %). Однако результаты социологических опросов не подтверждают такого значительного роста этого показателя. Как отмечает А. Л. Арефьев [1, с. 84], на результатах переписи отразилось то, что на вопрос о владении языками отвечали только лица 15 лет и старше. Владение русским языком среди детей и подростков в возрасте до 14 лет более чем в два раза ниже, чем среди взрослых, и потому принятый в итогах переписи удельный вес казахов, свободно владеющих русским языком, сильно завышен. Фактическая доля казахов, свободно владеющих русским языком, оценивается примерно на 7–9 % меньше, т. е. на уровне 70–72 %. Но даже этот показатель выше, чем в результатах переписи населения 1989 г., и к тому же заметно превышает долю казахов, свободно владеющих русским письменным языком по итогам социологических исследований.

Как и в Казахстане, в Кыргызстане перепись населения 2009 г. по сравнению с 1989 г. зафиксировала рост доли титульного населения, свободно владеющего русским языком (с 37 до 45 %). Но и здесь на всё население распространялись результаты опроса лиц в возрасте 15 лет и старше. Поэтому реальная доля киргизов, свободно владеющих русским языком в 2009 г., едва ли была выше аналогичного показателя по итогам переписи 1989 г.

Более объективной можно признать динамику в период с 1989 по 2010 гг. удельного века титульного населения, свободно владеющего русским языком, в Таджикистане, где произошло его небольшое падение — с 30,5 до 29 %. Но по причине значительного роста населения республики наблюдалось абсолютное увеличение, хотя и небольшое, численности таджиков, свободно владеющих русским языком. Важно отметить, что в этой стране, как и на Украине, в переписи населения фиксировался ответ на вопрос, аналогичный вопросу переписи 1989 г., т. е. «свободное владение русским как вторым языком».

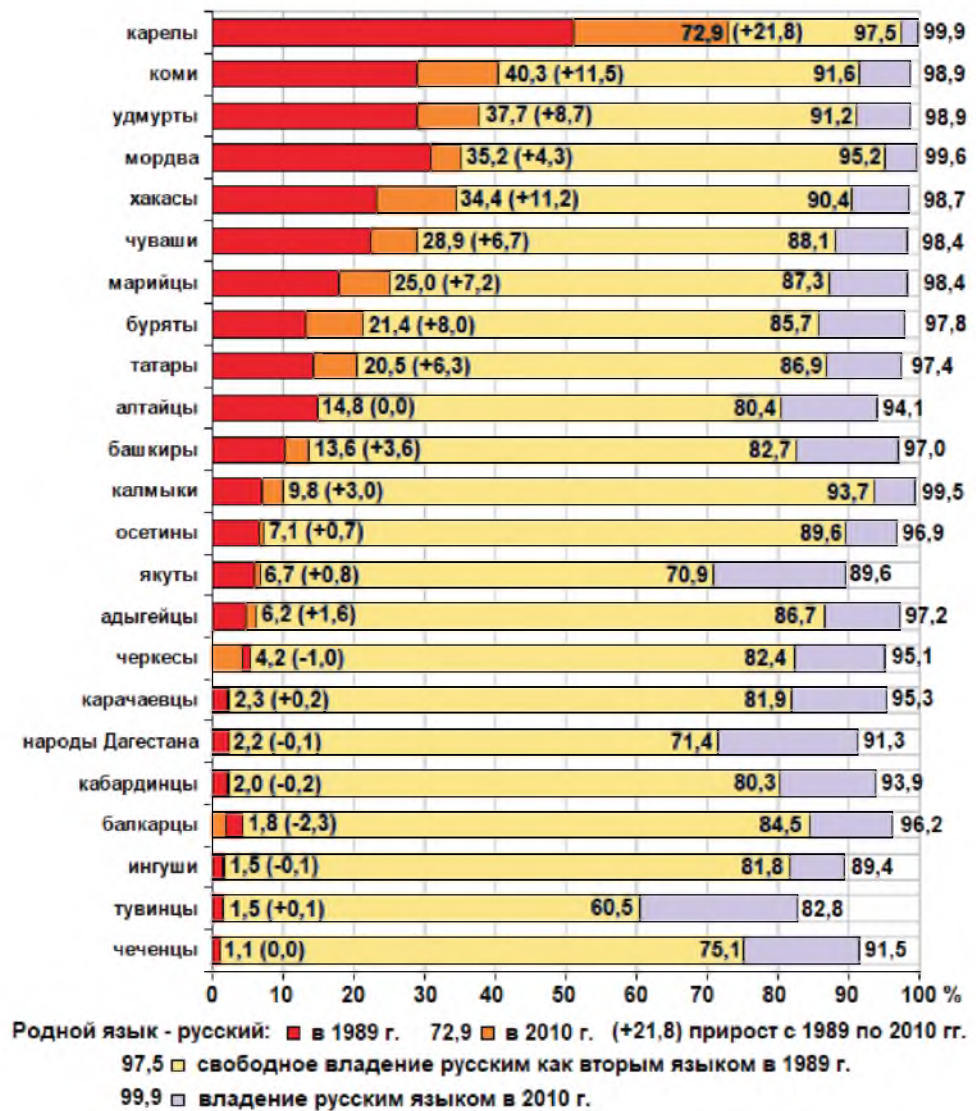
В остальных странах ближнего зарубежья на период 2009–2011 гг. владение русским языком титульными народами рассчитано только по результатам социологических опросов, или же, в Узбекистане и Туркменистане, по данным, представленным А. Л. Арефьевым [2, с. 7]. Титульные народы двух последних стран отличаются наиболее низкой степенью владения русским языком на всём постсоветском пространстве.

Также невысоким уровнем владения русским языком характеризуются титульные народы стран Закавказья — Армении, Грузии и Азербайджана. При этом, судя по результатам опросов, этот уровень за первые два постсоветских десятилетия не претерпел резкого снижения, хотя и обозначился тренд на уменьшение данного показателя. Нужно отметить, что в советское время одним из важнейших каналов распространения русского языка в республиках Средней Азии и Закавказья была служба в армии. В постсоветское время его заменил новый канал — это трудовые миграции в Россию.

В Молдове и странах Балтии за постсоветское время также произошло уменьшение степени владения русским языком титульными народами государств, а точнее, в них достаточно низкой стала доля тех, кто свободно владеет письменным русским языком. При этом удельный вес представителей титульных народов данных стран, владеющих русским устным языком, остается на уровне «свободно владеющих русским как вторым языком» в 1989 г. Лидерами по владению русским языком среди этих народов остаются, как и в советское время, латыши и молдаване. Главной причиной этого является рассредоточенность относительно многочисленного русского населения и русскоязычных представителей иных этнических групп в пределах обозначенных стран (данные по Молдове рассмотрены в границах до распада СССР, включая Приднестровье). Иная ситуация в Эстонии, где также сохраняется высокой доля тех, кто называет русский родным языком — 28,5% (по переписи 2011 г.). Но при этом русскоязычное население сконцентрировано в уезде Ида-Вьурмаа и столице страны с окружающими её территориями (уезде Харьюмаа). Соответственно, на остальной территории Эстонии нет постоянного контакта эстонцев с русскоязычным населением, за исключением туристов из России, а для общения с последними достаточно минимального уровня владения русским языком.

В целом же сравнительный анализ итогов переписей населения в странах ближнего зарубежья и результатов опросов их жителей свидетельствует о том, что более логичным является сопоставление доли титульных народов республик согласно переписи 1989 г., «свободно владеющих русским как родным и вторым языком», с удельным весом титульного населения постсоветских государств в начале XXI в., «свободно владеющего письменным русским языком» в соответствии с итогами социологических исследований. На наш взгляд, с данными показателями по итогам переписи населения 1989 г. в большей степени сопоставимы результаты переписей населения Украины (2001 г.), Республики Беларусь (2009 г.) и Таджикистана (2010 г.), и были завышены эти показатели в итогах переписей населения Казахстана (2009 г.) и Кыргызстана (2009 г.).

Русский язык как родной и степень владения русским языком титульными народами республик Российской Федерации. В ходе Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. выявлялось население, называющее русский язык родным и владеющее русским языком. Нами была рассчитана доля представителей титульных народов 21 республики Российской Федерации (по состоянию на 2002 и 2010 гг.), называющих русский родным языком и владеющих русским языком, по итогам переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. Но, в отличие от переписи 1989 г., в итогах постсоветских переписей не было обозначения уровня владения русским языком (как, например, в 1989 г. — «свободное владение»), а также не было задано такого ограничения, как «второй язык». На рисунке 2 представлены результаты сравнения итогов переписей 1989 и 2010 гг. по данным характеристикам, рассчитанным вне зависимости от места проживания этих народов в пределах Российской Федерации.

Рис. 2. Владение русским языком титульными народами республик России, проживающими в пределах всей страны, по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г. (составлено автором)

Fig. 2. Knowledge of the Russian language by the titular peoples of the republics of Russia living within the entire country, according to the results of the All-Union Population Census of 1989 and the All-Russian Population Census of 2010 (compiled by the author)

Различия во владении русским языком титульными народами российских республик к 2010 г. стали не столь существенными по сравнению с 1989 г., и в большинстве случаев удельный вес владеющих русским языком превышал 90 %. Исключение составили три народа — тувинцы, ингуши и якуты (саха). С формальной точки зрения можно говорить о значительном росте степени владения русским языком титульными народами республик Российской Федерации, но некоторое сомнение в

правильность этого вывода вносят результаты анализа, проведённого нами в первой части статьи на примере титульных народов постсоветских государств. Более объективной можно считать динамику в постсоветский период удельного веса представителей титульных народов республик России, называющих русский родным языком. Поэтому в первую очередь обратим внимание на изменение именно этого показателя в постсоветский период.

Очевидное лидерство по признанию русского языка родным удерживают карелы, один из наиболее малочисленных титульных народов республик России, и к тому же составляющих всего 7 % населения своей республики (2010 г.). Также в первую четвёрку этносов по данному показателю входят коми, удмурты и мордва. Именно эти народы России являются наиболее подверженными ассимиляции со стороны русского этноса. Можно сразу обратить внимание на то, что все эти народы проживают в европейской части России, относятся к финно-угорской группе уральской языковой семьи и традиционно исповедуют православную религию. Перечень народов с почти такими же характеристиками продолжают марийцы (седьмое место), но среди последних высока доля приверженцев марийской традиционной религии.

Среднюю часть списка занимают народы тюркской и монгольской групп алтайской языковой семьи, традиционными религиями которых являются ислам и буддизм (за исключением православных чувашей). Данную категорию народов замыкают ираноязычные осетины (13-е место), большей частью исповедующие православие. Нижнюю часть списка составляют преимущественно народы кавказской языковой семьи (чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, адыгейцы и большинство этносов Дагестана), в основном исповедующие ислам. Также в этой группе оказалось четыре тюркских народа — балкарцы, карачаевцы, якуты (саха) и тувинцы. Здесь особо нужно выделить якутов, лишь формально принявших православие при сохранении своих традиционных верований, и тувинцев, основной религией которых является буддизм-ламаизм. Также можно вспомнить, что стаж пребывания Тувы в Российской Федерации составляет немногим более трёх четвертей века — она вошла в состав СССР только в 1944 г. И в целом народы, расположенные в нижней части списка, проживают на окраинных территориях России, относительно поздно вошедших в её состав.

Почти во всех титульных народах республик России с 1989 по 2010 гг. повысилась доля представителей, называющих русский язык родным. Особенно значительный рост произошёл в верхней части рассмотренного списка (лидеры — карелы с приростом свыше пятой части представителей этноса), вплоть до девятой позиции, занимаемой татарами. Минимальный прирост этой части народов наблюдается в нижней части списка, причём в ряде случаев произошло даже уменьшение доли данной категории представителей этносов: более значительное — среди балкарцев и черкесов; менее заметное — среди ингушей, кабардинцев и народов Дагестана.

Кроме отмеченных факторов (места проживания народов, определяющие длительность их контакта с русским населением, религиозный состав населения, языковая группа и семья и т. д.), на признание русского языка в качестве родного влияет также степень концентрации представителей определённых национальностей в пределах своих республик, т. н. «коэффициент концентрации» [16] титульных народов республик России в границах своих национальных образований (табл.). Этот же фактор сказывается на степени владения русским языком данными народами в целом.

Коэффициент концентрации титульных народов республик России в пределах своих национальных образований по итогам переписи 2010 г. (составлено автором)

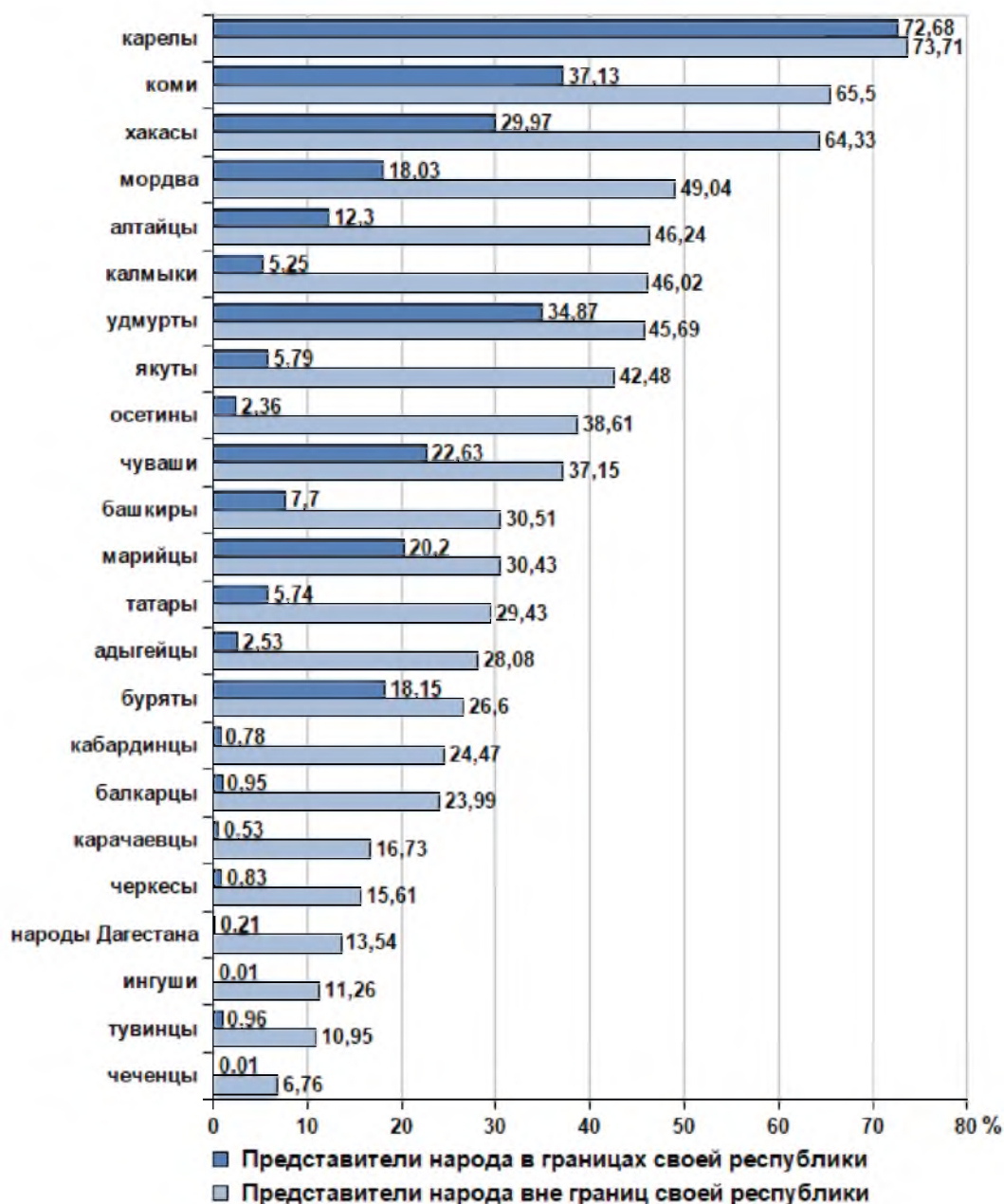
The concentration coefficient of the titular peoples of the republics of Russia within their national entities based on the results of the 2010 census (compiled by the author)

Титульные народы республик России с высоким коэффициентом концентрации в своих республиках (свыше 90 %)	Коэффициент концентрации, %	Титульные народы республик России со средним коэффициентом концентрации в своих республиках (от 80 до 90 %)	Коэффициент концентрации, %	Титульные народы республик России с низким коэффициентом концентрации в своих республиках (менее 80 %)	Коэффициент концентрации, %
Якуты	97,6	Карачаевцы	89,0	Черкесы	77,2
Балкарцы	96,2	Калмыки	88,7	Карелы	74,9
Кабардинцы	94,9	Коми	88,7	Удмурты	74,3
Тувинцы	94,5	Хакасы	87,2	Башкиры	74,0
Алтайцы	92,7	Осетины	87,0	Буряты	62,2
		Ингуши	86,7	Чуваши	56,7
		Адыгейцы	85,9	Марийцы	53,2
		Народы Дагестана	85,2	Мордва	44,8
		Чеченцы	84,3	Татары	37,9

Согласно итогам переписи населения 2010 г., наибольшей концентрацией в пределах своих республик характеризуются народы, национальные автономии которых находятся на окраинных, чаще приграничных, территориях России: якуты, балкарцы, кабардинцы, тувинцы и алтайцы. Большинство народов с низким коэффициентом концентрации в своих республиках располагает своими национальными автономиями в европейской части страны, и имеет большой стаж проживания в составе России. Также сказываются другие исторические факторы, раздробившие ареалы основного проживания этих народов, в т. ч. в результате миграции, на несколько частей (карелы, буряты и др.). Особо в этом плане нужно отметить татар и мордву, более половины которых изначально проживали за пределами организованных для них республик.

На рисунке 3, в соответствии с результатами переписи 2010 г., представлено сравнение доли титульных народов республик России, называющих родным русский язык, в зависимости от проживания в пределах или вне территории своих республик. Почти нет различий по данному показателю только среди карелов, проживающих в своей республике или вне её. Также не очень большой разрыв между данными категориями представителей этносов можно отметить для удмуртов, марийцев, чувашей и бурятов.

В остальных случаях данный разрыв очень большой, т. е. представители большинства народов достаточно легко ассимилируются русским этносом вне пределов своих республик, при этом в заметно меньшей степени подвергаются данным процессам внутри своих национальных автономий. Соответственно, имеет достаточно большое значение, в т. ч. и на отображенных на рисунке 2 показателях, какая часть представителей народов проживает внутри или вне своих республик. И с этой точки зрения важно отметить, что в постсоветское время многими исследователями отмечается процесс «стягивания» титульных народов автономий Российской Федерации в свои национальные образования ([9; 11; 16; 22; 24] и др.).

Рис. 3. Доля представителей титульных народов республик России, называющих родным русский язык, в зависимости от проживания в своих национальных образованиях и за их пределами, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. (составлено автором)

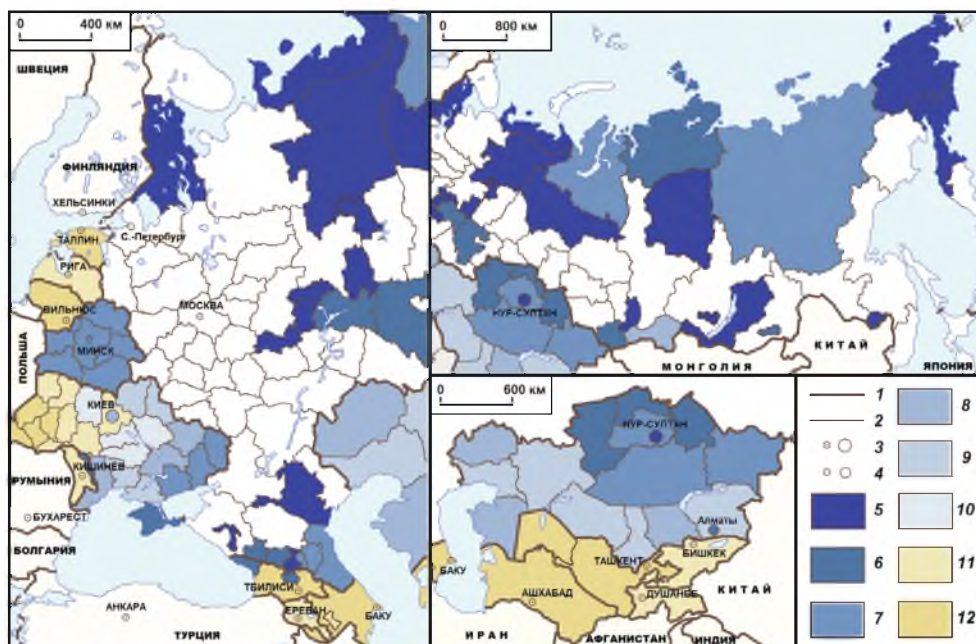
Fig. 3. The share of representatives of the titular peoples of the republics of Russia who call Russian their native language, depending on their residence in their national entities and beyond, according to the results of the 2010 All-Russian Population Census (compiled by the author)

Что же касается значительного увеличения с 1989 по 2010 гг. доли представителей народов, владеющих русским языком, то, скорее всего, данный рост связан с включением в переписях постсоветского периода в эту категорию лиц, которые в социологических опросах фигурируют как «свободно владеющие устным русским языком и письменным с ошибками». Особенно это касается тех народов, в которых в обозначенный период фактически не увеличился или даже уменьшился удельный вес лиц, называющих русский язык родным. В связи с этим едва ли правомерно напрямую сравнивать тех, кто «свободно владел русским как родным и вторым языком» в 1989 г., и «владел русским языком» в 2002 или 2010 гг. То есть, на наш взгляд, выявляемый на Всероссийских переписях населения уровень владения русским языком в большей степени соответствует сумме двух категорий респондентов (со «свободным владением письменным и устным русским языком» и «свободным владением устным русским языком и письменным с ошибками»), определяемых в этот период с помощью опросов населения в странах ближнего зарубежья.

Региональные различия по владению русским языком титульными народами республик России и стран ближнего зарубежья. На рисунке 4 отображён удельный вес представителей титульных народов республик Российской Федерации и стран ближнего зарубежья, владеющих русским языком, на рубеже XX и XXI вв. В большинстве государств ближнего зарубежья доля представителей титульных народов, владеющих русским языком, показана на основании расчётов по итогам социологического исследования 2007 г. Как отмечено выше, именно данная характеристика, по нашему мнению, в большей мере соответствует аналогичному показателю по владению русским языком титульными народами национальных автономий Российской Федерации по итогам переписи населения 2002 г. Исключение составили две страны ближнего зарубежья, а именно, Казахстан и Украина, где на уровне регионов республик представлена доля казахов и украинцев, свободно владеющих русским языком, согласно итогам переписей населения 1999 г. и 2001 г., соответственно.

Региональные различия по владению русским языком титульными народами Украины и Казахстана почти полностью повторяют географию расселения в этих государствах как русского, так и в целом и русскоязычного населения. На территории Украины по этим показателям по настоящее время лидируют области юго-востока страны и столица, в Казахстане — северные и восточные области, новая и бывшая столицы государства. В этих же регионах повышена доля представителей титульных народов, считающих родным русский язык.

Таким образом, наблюдается зависимость степени владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья от удельного веса проживающих в них носителей русского языка. В качестве дополнительного фактора можно рассматривать долю городского населения в регионах, т. к. именно в городских поселениях сконцентрировано русскоязычное население. Статус русского языка в этих государствах также играет важную роль, но он зависит от политической конъюнктуры и не является столь стабильным фактором, как формируемая естественным образом русскоязычная среда делового и культурного общения. Именно по этой причине развернувшийся в постсоветский период массовый миграционный отток русского и русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья сильно подорвал позиции русского языка в них, которые едва ли возможно компенсировать особым статусом русского языка в некоторых из этих государств.

Рис. 4. Доля представителей титульных народов республик России и стран ближнего зарубежья, владеющих русским языком (на рубеже XX и XXI вв.; составлено автором)

Границы на начало XXI в.: 1 — государств; 2 — регионов (национальных образований России, областей Украины и Казахстана, непризнанных республик постсоветского пространства); 3 — столицы государств; 4 — прочие крупные города; доля представителей титульных народов государств и национальных автономий, владеющих русским языком, %: 5 — свыше 95, 6 — от 90 до 95; 7 — от 80 до 90, 8 — от 70 до 80, 9 — от 60 до 70, 10 — от 50 до 60, 11 — от 40 до 50, 12 — менее 40.

Fig. 4. The share of representatives of the titular peoples of the republics of Russia and neighboring countries who speak Russian (at the turn of the 20th and 21st centuries; compiled by the author)

Borders at the beginning of the XXI century: 1 — states; 2 — regions (national formations of Russia, regions of Ukraine and Kazakhstan, unrecognized republics of the post-Soviet space); 3 — capitals of states; 4 — other large cities; the share of representatives of the titular peoples of states and national autonomies who speak Russian, %: 5 — over 95, 6 — from 90 to 95; 7 — from 80 to 90, 8 — from 70 to 80, 9 — from 60 to 70, 10 — from 50 to 60, 11 — from 40 to 50, 12 — less than 40.

Выводы. Сравнение итогов переписей населения стран постсоветского пространства с результатами переписи 1989 г. привело к выводу, что нельзя напрямую отождествлять категории лиц, ответивших положительно на вопрос о владении русским языком в переписях советского и постсоветского периодов. Причиной этого являются разные формулировки вопросов о владении русским языком в переписных анкетах, на чём сказывается также и статус русского языка, являющийся отражением языковой политики государств ближнего зарубежья. Лишь в ряде стран, где русский язык был объявлен государственным (Республика Беларусь), официальным (Казахстан и Кыргызстан) или языком межнационального общения (Таджикистан), результаты переписей населения по владению русским языком можно напрямую сопоставлять с итогами переписи 1989 г.

Именно в тех трёх странах, где русский имеет статус государственного или официального языка, в постсоветский период переписи населения зафиксировали рост уровня владения русским языком среди титульных народов. Также значительный рост уровня владения русским языком был отмечен переписями населения 2002 и 2010 гг. у титульных народов республик Российской Федерации. Хотя, скорее всего, заметная часть этого прироста связана с изменением формулировки вопроса о владении русским языком, позволяющая дать положительный ответ при более низком уровне владения им по сравнению с переписью 1989 г., когда фиксировалось «свободное владение русским как родным или вторым языком».

В результате исследования выявлена зависимость степени владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья от удельного веса проживающего в них русскоязычного населения. То есть важнейшим фактором сохранения роли русского языка на постсоветском пространстве является формируемая естественным образом русскоязычная среда делового и культурного общения. Статус русского языка в государствах ближнего зарубежья на данный момент также связан с долей русскоговорящего населения, но при этом сильно зависит от политической конъюнктуры. Произошедшее после распада СССР резкое уменьшение русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья может стать в перспективе достаточно серьёзным тормозом интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.
2. *Арефьев А. Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).
3. *Арутюнова М. А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.
4. *Боженкова Н. А., Пантелева А. П.* Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 6–15.
5. *Едличко А. И.* Русский язык в России и мире: некоторые аспекты языковой политики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 1. С. 99–107. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-1>.
6. *Елистратов В. С.* О содержании термина «языковая политика» в начале XXI века // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 2. С. 86–89.
7. *Летняков Д. Э.* Языковая политика и языковая идентичность на постсоветском пространстве: случай русского языка // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир). Материалы IV Международной научной конференции. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2016. С. 68–76.
8. *Максимова С. Г., Шерматова С. Н., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е.* Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах-участниках Содружества независимых государств // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 151–171.
9. *Манаков А. Г.* Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 2. С. 117–128. <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>.
10. *Митрофанова И. В., Суций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>.

11. Орлов А. Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 120–124.
12. Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и ее динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Том 6 (16). Вып. 4. С. 66–82.
13. Стрельцова Я. П. Потенциал русского языка как средство интеграции на евразийском пространстве // Информационные войны. 2014. № 2(30). С. 81–87.
14. Суцый С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.
15. Тишков В. А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 5. С. 415–422.
16. Трифонова З. А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.
17. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. № 2. С. 163–182. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.08>
18. Шагбанова Х. С., Бобкова Е. А. Русский язык как язык межнационального общения на пространстве СНГ: текущее состояние и перспективы развития // Образование и право. 2018. № 12. С. 278–285.
19. Шульга Е. П. Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 6 (34). С. 54–60.
20. Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-speaking populations in the post-soviet space: language, politics and identity // Europe-Asia Studies. 2019. Т. 71. № 1. С. 1–23. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467>.
21. Ivanchenko V S., Chimiris E. S. Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics // Political Science Issues. 2020. Т. 10. № 3 (42–44). С. 305–315. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.42.3.005>.
22. Manakov A. G. Spatial Patterns in the Transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses // Geography and Natural Resources, 2019. Vol. 40. No. 2. P. 106–114. <https://doi.org/10.1134/S1875372819020021>.
23. Manakov A. G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macrorregion from 1897 to 2017 // Regional Research of Russia, 2020. Vol. 10. No. 4. P. 584–592. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>.
24. Safronov S. Russian Population Ethnic Structure: Trends and Transformations // Baltic Region. 2015. No. 3. P. 106–120. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>.

References

1. Aref'ev A. L. (2012), *Russian language at the turn of XX–XXI centuries*, Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing. 482 p. (In Russ.).
2. Aref'ev A. L. (2013), Shrinking Russian language, *Demoskop Weekly*, pp. 571–572. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf>. (In Russ.).
3. Arutiunova M. A. (2012), Language policy and the status of the Russian language in the USSR and the states of the post-Soviet space, *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, no. 1, pp. 155–178. (In Russ.).
4. Bozhenkova N. A., Panteleeva A. P. (2019), Sociolinguistic overview of the status of the Russian language in the post-Soviet communicative space, *Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Lingvistika i pedagogika*, vol. 9, no. 1 (30), pp. 6–15. (In Russ.).
5. Edlichko A. I. (2018), Russian language in Russia and the world: some aspects of language policy, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11 (89), pt. 1, pp. 99–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-1>.
6. Elistratov V. S. (2009), On the content of the term “language policy” at the beginning of the XXI century, *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniia Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiia. Pedagogika. Metodika*, no. 2, pp. 86–89. (In Russ.).
7. Letniakov D. E. (2016), Language policy and language identity in the post-Soviet space: the case of the Russian language, *Culture. Politics. Understanding (philosophical and political problems of identity: Russia and the modern world). Materials of the IV international scientific conference*, Belgorod, Publishing House “Belgorod”, pp. 68–76. (In Russ.).
8. Maksimova S. G., Shermatova S. N., Omel'chenko D. A., Noianzina O. E. (2018), Migration activity of the Russian-speaking population and the functioning of the Russian language in the member states of the Commonwealth of Independent States, *Society and Security Insights*, no. 1 (3), pp. 151–171. (In Russ.).

9. Manakov A. G. (2019), Evaluation of Changes in the Ethnic mosaic of Regions of European Russia in Periods between the 1897, 1959 and 2010 Censuses, *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaiia*, no. 2, pp. 117–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>.
10. Mitrofanova I. V., Sushchii S. Ia. (2017), Russians in Ukraine: Geodemographic Results of the Post-Soviet Period and Medium-Term Perspectives, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8 (401), pp. 45–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>.
11. Orlov A. Yu. (2013), Historical and geographical aspects of the transformation of the ethnic structure of the population of the Russian Federation, *Regional'nye issledovaniia*, no. 2 (40), pp. 120–124. (In Russ.).
12. Sokolov A. S. (2020), Modern linguistic situation in Belarus and its dynamics in the post-Soviet period, *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 6 (16), no. 4, pp. 66–82. (In Russ.).
13. Streltsova Ya. R. (2014), The potential of the Russian language as a means of integration in the Eurasian space, *Informatsionnye voiny*, no. 2 (30), pp. 81–87. (In Russ.).
14. Sushchii S. Ya. (2020), Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period, *Demograficheskoe obozrenie*, no. 7 (2), pp. 6–30. (In Russ.).
15. Tishkov V. A. (2008), Russian language and Russian-speaking population in the CIS and Baltic countries, *Vestnik RAN*, no. 78 (5), pp. 415–422. (In Russ.).
16. Trifonova Z. A. (2008), Resettlement of ethnic groups in Russia (1926–2002), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiia*, no. 2, pp. 62–67. (In Russ.).
17. Khudorenko E. A. (2020), Language policy of Russia in the context of Eurasian integration, *Politicheskaiia nauka*, no. 2, pp. 163–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.08>.
18. Shagbanova Kh. S., Bobkova E. A. (2018), Russian language as a language of interethnic communication in the CIS space: current state and development prospects, *Obrazovanie i pravo*, no. 12, pp. 278–285. (In Russ.).
19. Shulga E. P. (2018), Russians and the Russian language in Kyrgyzstan, how the possibilities of “soft power” are diminishing in Central Asia, *Voprosy politologii*, vol. 8, no. 6 (34), pp. 54–60. (In Russ.).
20. Cheskin A., Kachuyevski A. (2019), The Russian-speaking populations in the post-soviet space: language, politics and identity, *Europe-Asia Studies*, no. 71 (1), pp. 1–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467>.
21. Ivanchenko V. S., Chimiris E. S. (2020), Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics, *Political Science Issues*, vol. 10:, no. 3 (42–44), pp. 305–315. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.42.3.005>.
22. Manakov A. G. (2019), Spatial Patterns in the Transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses, *Geography and Natural Resources*, no. 40 (2), pp. 106–114. <https://doi.org/10.1134/S1875372819020021>.
23. Manakov A. G. (2020), Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017, *Regional Research of Russia*, no. 10 (4), pp. 584–592. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>.
24. Safronov S. (2015), Russian Population Ethnic Structure: Trends and Transformations, *Baltic Region*, no. 3, pp. 106–120. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>.

Сведения об авторе

Манаков Андрей Геннадьевич — доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

About the author

Prof. **Andrei Manakov**, Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

Поступила в редакцию 23.07.2021 г.

Поступила после доработки 14.09.2021 г.

Статья принята к публикации 14.10.2021 г.

Received 23.07.2021

Received in revised form 14.09.2021

Accepted 14.10.2021